

DOI 10.18522/2415-8852-2025-1-53-67

УДК 821.111(73)

**ЭЛЕМЕНТЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ПСИХОЛОГИЗМА
В «ДНЕВНИКЕ» КОТТОНА МЕЗЕРА (1702–1703 ГГ.)**

Виолетта Стиговна Трофимова

кандидат филологических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)

email: violet_trofimova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1080-7073

Аннотация. В статье рассматривается «Дневник» известного американского проповедника, историка и натурфилософа Коттона Мезера (1663–1728) за 1702–1703 гг., когда автор переживал личный кризис, связанный со смертью первой жены и последующими романтическими отношениями с девушкой, неподходящей ему как священнику в жены. Теоретической рамкой исследования служат работы Н.В. Забабуровой и Л. Гинзбург о психологизме в литературе, а также исследования литературоведов-американистов Л.А. Мишиной, М.М. Кореновой, Д.В. Абдурахмановой-Павловой, Е.М. Апенко, А.Л. Церковского и др. При анализе «Дневника» используется метод медленного (пристального) чтения в сочетании с биографическим методом. Для понимания обстоятельств взросления К. Мезера и литературных влияний на него используется англоязычная биография, написанная Д. Левиным.

Н.В. Забабурава уделяла особое внимание связи между зарождением психологизма в литературе и распространением христианства. Ее наблюдения над практикой вечернего отчета перед собой оказываются продуктивными при рассмотрении «Дневника» как образца раннеамериканской пуританской литературы. Идеи Л. Гинзбург о непредвиденности поведения героя в психологическом романе также оказываются востребованными при анализе романтического эпизода в «Дневнике» К. Мезера. Внимательное прочтение текста «Дневника» за 1702 г. позволяет выявить умение автора выразить свое страдание, связанное с болезнью жены и утратой веры в милость Божью. В некоторых эпизодах К. Мезер достигает замечательного драматического эффекта. Что касается романтического эпизода, то при всех лакунах его можно назвать романтической новеллой в зародыше и наброском психологического романа.

В статье раскрывается гибридный характер жанра «Дневника», который можно рассматривать скорее не как дневник, а как мемуары. Отмечается слабое влияние этого текста на американскую литературу XVIII–XIX вв. в силу отсутствия публикации его целиком, однако подчеркивается заметный интерес к образу Коттона Мезера со стороны таких писателей, как Н. Готорн и Э. Гаскелл.

Ключевые слова: литературный психологизм, дневник, Коттон Мезер, Забабурава, пуританизм, американская литература, психологический роман

В российском литературоведении и в российской исторической науке раннеамериканской литературе XVII–XVIII вв. уделено значительное внимание. Особый интерес для исследователей представляют художественно-документальные жанры, среди них дневники, автобиографии и мемуары. Самым знаменитым американским произведением того времени в жанре автобиографии стала «Автобиография» Бенджамина Франклина (1791), однако и сочинения его предшественников – как пуритан, так и квакеров – с 1990-х гг. и по настоящее время зачастую выбираются отечественными учеными в качестве объектов исследования (дневники Дж. Уинтропа, Т. Шепарда, С. Сьюолла, Дж. Вулмена и др.). Непосредственно об особенностях жанра дневника в американской литературе писали Л.А. Мишина, Д.В. Абдурахманова-Павлова, Е.М. Апенко, М.М. Коренева и др. Л.А. Мишина видит истоки американской литературы в жанрах «хроники, записок, дневников, автобиографий, мемуаров» [Мишина 1994: 3]. М.М. Коренева и Д.В. Абдурахманова-Павлова приводят классификацию раннеамериканских дневников. М.М. Коренева делит их на тяготеющие «к подробному воссозданию событий в жизни автора», сосредоточенные «на описании его общественного пути и социальной роли», с одной стороны, и интимные, погруженные «в глубины психики автора», сосредоточенные «на его

духовном пути», с другой [Коренева: 194]. Д.В. Абдурахманова-Павлова выделяет два типа композиции дневника – непрерывную и дискретную, причем при непрерывной композиции автор сосредоточен на «мире вещей», а при дискретной на первый план выходят события, важные с идейной точки зрения, и такая композиция характерна для интровертивного типа дневника [Абдурахманова-Павлова: 47]. Говоря о дневниках квакеров XVIII в., Е.М. Апенко отмечала, что в них «основное внимание уделялось не внешним обстоятельствам и событиям, а анализу внутреннего состояния человека» [Апенко: 293]. Именно для интимного, интровертивного типа дневника характерно погружение в психологию автора, глубокое исследование человеческой психики. Ярким, хотя и недооцененным в российском литературоведении, примером раннеамериканской психологической прозы является «Дневник» Коттона Мезера за 1702–1703 гг., который мы рассмотрим в этой статье.

Л.В. Мишина называет «Дневник» К. Мезера «среди произведений дневникового жанра, созданных в Америке XVII в. и оставшихся в истории национальной литературы» наряду с дневниками Дж. Уинтропа, Т. Шепарда и С. Сьюолла, но специально его не рассматривает [Мишина 2015: 148]. Историки И.В. Хрулёва и В.В. Павлов используют «Дневник» К. Мезера как исторический источник и цитируют его в связи с анализом от-

ношения Мезера к крещению евреев [Хрулёва, Павлов: 13]. М.М. Коренева подчеркивает, что К. Мезер «скрупулезно заносил» в «Дневник» «все свои слабости и прегрешения, все отступления от божественного завета, а также свои стремления к совершению благих дел» [Коренева: 194]. Е.М. Двойченко-Маркова в четвертом томе «Истории всемирной литературы» отмечала, что «Дневник» Коттона Мезера представляет «не столько художественный, сколько психологический интерес» [История всемирной литературы: 296]. Для данного исследования он представляет и тот, и другой интерес, и невозможно полностью согласиться с мнением, что «“Дневник” Коттона Мезера отражает типичные черты фанатика-пуританина – склонность к напряженному самонаблюдению, мистицизм и благочестие» [Там же: 296]. М.М. Коренева не называет К. Мезера «фанатиком», но, как и Е.М. Двойченко-Маркова, считает его типичным пуританином, который «мерил свой век высоким идеалом, возвещенным в Библии, и теми уступками мирским соблазнам, перед которыми не могла устоять греховная плоть, ввергая душу в земной ад самоистязания» [Коренева: 194]. «Земной ад самоистязания», но без собственно пуританского фанатизма, получил яркое выражение в дневниковых записях К. Мезера за 1702–1703 гг.

Коттон Мезер (1663–1728), пуританский священник и интеллектуал из Новой Англии, всю свою жизнь провел в Бостоне, где стал

самым плодовитым писателем своего времени, выпустив в свет более 400 сочинений по истории, религии, натурфилософии и медицине. Никаких собственно художественных произведений, кроме нескольких стихотворений, он, по-видимому, не оставил. К. Мезер печально известен своим участием в судебных процессах над салемскими ведьмами, так как опубликовал книгу о колдовстве и отчет об этом событии под названием «Чудеса невидимого мира» в 1693 г. Он написал историю Новой Англии, книги по образованию и этике, а также книгу «Христианский философ» – первую систематическую работу, посвященную науке в Северной Америке. К. Мезер провел эксперименты по гибридизации растений в 1716 г. и сыграл важную роль во внедрении прививки от оспы на американском континенте вместе с доктором Забдиелем Бойлстоном в 1721–1722 гг. Его «Американская Библия» и его медицинский трактат «Ангел из Бетесды» были изданы лишь в последние годы.

Около 1697 г. К. Мезер завершил свою историю Новой Англии в XVII в. – «Великие деяния Христа в Америке» (“*Magnalia Christi Americana*”) – книгу, которая была опубликована в 1702 г. и создала ему имя в истории литературы. Именно благодаря этому произведению А.Л. Церковский называет его «одним из самых ярких представителей новоанглийской словесности» [Церковский: 6]. В этом сочинении расска-

зывалось о великих делах основателей колоний и важнейших исторических событиях того периода. Из-за этой работы К. Мезер заслужил репутацию педанта с тяжелым стилем, автора, чье «использование высокого слога иногда граничит с графоманством» и сочинения которого очень трудно читать [Церковский: 7]. Его «Дневник», напротив, повествует о, казалось бы, обыденных и малозначительных событиях и раскрывает его тайные устремления.

В полном объеме «Дневник» Коттона Мезера был опубликован лишь в начале XX в.; в предыдущие века были известны лишь отрывки из этого произведения, по большей части сугубо религиозного свойства, поэтому говорить о непосредственном влиянии этого текста на американскую литературу эпохи Просвещения и романтизма затруднительно. Коттон Мезер как исторический персонаж вызвал интерес у таких писателей XIX в., как Натаниэль Готорн и Элизабет Гаскелл.

«Дневник» был очень важен для Коттона Мезера. В конце 1710-х гг. он жаловался на то, что его третья супруга Лидия спрятала и, вероятно, уничтожила записи, касающиеся их отношений и их совместной жизни, хотя знала, что этот дневник значит для него. «Дневник» Мезера представляет трудности для отнесения его к тому или иному жанру. Дэвид Левин в книге, озаглавленной «Коттон Мезер: молодость летописца Господа, 1663–1703 гг.», указал, что записи за десятилетие,

начинающееся с 1681 г., «вовсе не являются дневниковыми» [Levin: 63]. Повествование «было скопировано и переработано ретроспективно с оригиналов, уничтоженных Мезером» [Levin: 63]. Несмотря на то, что записи имеют точную датировку, «эти бумаги не фиксируют его повседневный опыт, будь то светский или религиозный» [Levin: 63]. Собственно, это ставит под большой вопрос жанр «Дневника» Мезера и даже заставляет усомниться, правильно ли относить его к документальному жанру. «Дневник» явно теряет свою документальность в процессе переписывания и тяготеет к фикциональности. Если произведения в жанре автобиографии «плодотворнее рассматривать как фикциональный текст», то и «Дневник» К. Мезера также можно анализировать как художественно-документальное произведение, в котором художественное начало временами превалирует [Абдурахманова-Павлова: 47].

Н.В. Забабурова в книге «Стендаль и проблемы психологического анализа» утверждала, что «XVII век погружается в изучение рационалистической рефлексии», а «XVIII век любит себя “головной”, себя сознающей чувствительностью» [Забабурова: 8]. Зарождение психологизма в европейской литературе исследовательница относил к эллинистической эпохе и временам раннего христианства [Там же: 335]. Она отмечала, что «диалог с самим собой, самонаблюдение, самоанализ» были «излюбленными формами эл-

линистического философствования», и это отразилось на получивших в то время распространение литературных жанрах, таких как мемуарно-биографическая проза и эпитолография [Там же: 336]. Среди авторов она выделяла Марка Аврелия и Сенеку. Если термин «рефлексия» как «процесс познания субъектом собственной интеллектуальной деятельности и эмоциональных состояний» ввел Джон Локк – старший современник Коттона Мезера, то рефлексия как диалог «души с самой собой», как форма «самопознания и саморегуляции» появляется еще у софистов и стоиков [Там же: 336]. Важным наблюдением Н.В. Забабуровой является то, что «практика вечернего отчета перед собой» восходит к пифагорейской традиции и находит развитие в философии стоиков [Там же: 336]. Исследовательница называет «открытие рефлексии» «важным завоеванием эллинистической культуры» [Там же: 336]. Самонаблюдение и самоанализ, отчет в своих поступках за день – все это стало частью повседневной жизни пуритан в Америке XVII в.

Именно христианство, по мнению Н.В. Забабуровой, оказало «решающее воздействие на развитие психологической рефлексии», а ранним христианам был присущ «психологический комплекс избранничества» [Там же: 337]. Этим же комплексом были «заражены» и американские пуритане, которые осознавали свою избранность. Не был исключением

и Коттон Мезер. Он уже с детства осознавал особое положение своей семьи. По наблюдениям Д. Левина, именно мучительная смерть его деда Ричарда Мезера, последовавшая за этим смерть его дяди Елеазара и тяжелая нервная болезнь его отца Инкриза поколебали представление юного Коттона об их исключительности, стали для шестилетнего мальчика настоящей катастрофой и явились источником той тревожности, которая будет характерна для его душевного состояния уже во взрослом возрасте [Levin: 18, 21]. Свой дневник Мезер начинает вести в юношеские годы, и одним из образцов для него не могла не служить «Исповедь» Аврелия Августина. По словам Н.В. Забабуровой, «книга Августина демонстрирует конфликтность, противоречивость человеческого «я», а «внутренний конфликт, противоречие разнонаправленных желаний и стремлений впервые становятся объектом художественного исследования» [Забабунова: 338]. В душе человека идет борьба чувственного и духовного начал, и Августин пытается «осмыслить и высветить «бездны» человеческого сердца» [Там же: 339]. Н.В. Забабунова отмечает, что у Августина «само понятие греха приобретает психологический смысл [Там же: 339–340].

Августин занимал важное место в воображении Коттона Мезера. Именно с Августином он сравнивал «святых» Новой Англии; в сочинениях Августина он находил примеры того, как любить людей; памятуя об опы-

те Августина, он стремился избежать опасностей классического образования [Levin: 26, 98, 257]. Однако, если рассмотреть «Дневник» К. Мезера до 1702 г., можно отметить широкое использование формулы «осознание собственной порочности и греховности – покаяние – осознание Божьей благодати». Отношение к смерти у автора скорее физиологическое, например, в случае смерти в младенчестве его младшей сестры, труп которой он препарирует вместе с друзьями, чтобы узнать о причине ее смерти.

Жизнь Коттона Мезера была наполнена страданиями и утратами. Больше половины его детей не достигли зрелости, и лишь двое – сын Самуэль и дочь Ханна – пережили отца. Он потерял двух жен, а у третьей супруги было психическое расстройство. Однако событие, перевернувшее его представления о жизни и заставившее его усомниться в вере и милости Божией, произошло в 1702 г. Это событие носило сугубо частный характер – болезнь и смерть его первой супруги Абигаиль. Это время стало для Мезера периодом тяжелых испытаний, который продолжался более полугода.

В его «Дневнике» за этот период меняется представление болезни и смерти. Абигаиль заболела чахоткой. Мезер уговаривал себя, что Бог обещал ему ее выздоровление; несмотря на ее явно безнадежное состояние, он ожидал чуда, которого не произошло. Его жена, уставшая от долгих страданий, ожида-

ла смерти и сетовала на то, что стала обузой для своей семьи. «Я вас всех выматываю», – говорила Абигаиль [Mather: 452] (Здесь и далее – перевод мой. – В. Т.). Единственным человеком, к которому ее слова не относились, был ее муж: «Я не имею в виду вас, господин Мезер», – сказала она ему [Mather: 452]. Абигаиль даже поверила в чудесное выздоровление и мечтала о лекарстве, которое должно было ей помочь. Помимо болезни супруги, Мезер столкнулся с тем, что его дети заболели оспой, но они, в отличие от их матери, выздоровели.

Мезер подробнейшим образом описывает свои мучения во второй половине 1702 г., выражая таким образом свои переживания на страницах «Дневника». Записи этого периода полны страданий; они свидетельствуют о сомнениях автора в своей вере и раскрывают его внутреннюю жизнь в ее конфликтности. 3 июня он признается:

«Неприятная скука сопровождала обряды этого дня. Я не мог не опасаться, как бы смерть моей супруги и все ее неблагоприятные последствия для разбитой семьи не постигли меня» [Mather: 430].

В тот же день он нашел «злого духа, терзающего ум мой, с нечистыми помыслами, которые весьма унижали меня пред Господом» [Mather: 430]. «Но Господи! – восклицает он 25 июня, – насколько худшим бедствием должна быть ее смерть, если к ней прибав-

вится такое жало, как разочарование в моей «особой вере» [Mather: 434]. Мезер еще пытается найти опору в религии, как показывает запись от 12 июля:

«Я предал ее Господу и покорился всем скорбным последствиям отвергнутой молитвы, и побежденной веры, и опустошенной разбитой Семьи, если Он уготовит их мне» [Mather: 435].

Но религия дает ему мало поддержки в его ситуации, как показывают дневниковые записи за июль, август и октябрь: «Моя вера и терпение моей бедной супруги подвергаются тяжелому испытанию из-за того, что она продолжает находиться в сомнительном, опасном, плачевном состоянии болезни» (21 июля) [Mather: 436], «Я не сплю всю ночь, чтобы увидеть ее кончину и тем самым лицезреть ужасную смерть моей молитвы и веры (1 августа) [Mather: 437], «находясь в крайней скорби по моей бедной, слабой, измотанной супруге, которая после более двадцати недель томления, для моего дальнейшего испытания выказала признаки безнадежной чахотки» (22 октября) [Mather: 443]. Мезер считает, что его личная жизнь неотделима от общественной жизни священника:

«Я провел этот день ... в своем кабинете. Из-за состояния моей супруги, а также из-за состояния города, где начала распространяться оспа; и земли, где теперь объявлена война, и прочих печальных

обстоятельств, которые мы имеем в нашем правительстве» (4 июля) [Mather: 435].

Таким образом, в «Дневнике» появляется тема взаимоотношений автора с обществом, а его психологическое состояние уже не просто персонифицируется в образах «злых духов», а находит созвучие в окружающем мире. В этой части «Дневник» перестает быть сугубо интимным, интровертивным, а начинает тяготеть к первому типу согласно классификации М.М. Кореновой – повествованию, описывающему место автора в обществе.

Коттон Мезер называет точную дату, ознаменовавшую перемену в его жизни, и называет ее «черным днем»:

«Наконец наступает черный день: вторник, первое декабря. Я никогда еще не видел столь черного дня за все время моего паломничества. Усила очей моих в этот день отнята у меня. Ее смерть долгая и мучительная» [Mather: 448].

Лаконичность этого описания, отсутствие дополнительных образов и авторских рассуждений создают мощный драматический эффект.

Как и в записях 1680-х гг., часть, относящаяся к событиям 1702 г., явно написана значительно позже и не может быть названа подлинным дневником. Мы находим здесь элементы ретроспекции, которые придают

лирический оттенок повествованию, полному драмы и боли:

«Я не могу вспомнить беседы, которые проходили между нами... Одно я помню, что незадолго до ее смерти я просил ее сказать мне честно, какой недостаток она усмотрела в моем поведении, который она посоветовала бы мне исправить. Она ответила ... что не знает ни одного» [Mather: 448].

После записей о смерти Абигаиль «Дневник» меняет свою повествовательную структуру. Мезер откладывает в сторону чисто религиозные объяснения того, что случилось с ним и его женой, и предлагает светские размышления над ситуацией. Нельзя сказать, что он стал атеистом, так как он по-прежнему верит в догмы своей религии, но он оказался открыт для других, недогматических интерпретаций своего болезненного опыта.

Мезер признает, что дальнейшее пребывание его жены в этом мире не принесло бы ее семье ничего, кроме несчастья: «Если бы она жила, то, вероятно, жила бы в постоянной слабости, томлении и печали, что, в конце концов, причиняло бы беспокойство всем нам» [Mather: 451]. Он уверен, что заразился бы от нее, «если бы она немного поправилась – настолько, что я бы рискнул спать с ней» [Mather: 452]. Мезер также указывает на ее «меланхолический склад», усугубляемый семейными проблемами: «Вид этих вещей, без сомнения, навлек бы на нее такое

расстройство ума, что сделало бы мое состояние невыносимым» [Mather: 452]. Повествование Мезера оказывается не рассказом о болезни и смерти его жены, а рассказом о нем самом, о его собственном восприятии трагических событий. «Дневник» снова приобретает черты интимного, интровертивного повествования.

Мезера одолевает горе. Он сделал бы все, чтобы его жена осталась с ним на этом свете, и он едва выносит жизнь без нее: «Теперь едва ли один день проходит для меня без потока слез, и даже глаза мои затухают от плача» [Mather: 457].

Л. Гинзбург писала в книге «О психологической прозе», что «литературный психологизм начинается... с несовпадений, с непредвиденности поведения героя» [Гинзбург: 286]. Именно таким неожиданным поворотом становится в художественной ткани «Дневника» К. Мезера необычная для проповедника любовная история, которая становится для автора своего рода терапией и которую сам он называет «невероятным испытанием» [Mather: 457]. Повествовательная структура «Дневника» снова меняется и начинает напоминать романтическую повесть в зародыше. Героиня этого рассказа остается безымянной, а повествование носит фикциональный характер – читатель хочет знать, что будет дальше и чем закончится рассказ. Мезер называет девушку «молодой дворянкой несравненных достоинств» с «изысканным воспитанием» [Mather:

457]. Он говорит, что она обладает «редким остроумием и здравым смыслом» (“of rare Wit and Sense”), а ее беседа «чрезвычайно привлекательна» [Mather: 457].

Ему сорок, он вдовец с несколькими детьми, а ей «немного больше двадцати лет» [Mather: 458]. Девушка активна и берет инициативу на себя. Сначала она посылает ему письма, а потом навещает его. Она не стесняется настаивать на том, чтобы он женился на ней, утверждая, что их брак благотворно повлияет на ее душу. Мезер знает, что она «ветреный человек» с не очень хорошей репутацией [Mather: 458]. Что именно скрывается за этой фразой, была ли эта девушка более свободна в своем поведении по сравнению с другими бостонскими пуританками или на ее счету уже были некие любовные истории, неясно. Мезер упоминает лишь о дурном влиянии компании, которая собиралась в доме ее несчастного отца [Mather: 470].

Девушке удается вызвать в Мезере сильные ответные чувства. Он говорит о «могучей нежности к столь любезному человеку», опять же используя выражение, которое широко употребляли английские драматурги того периода, – «любезный человек» [Mather: 467]. Сама «природа» производит в нем такие эмоции [Mather: 467]. Мезер также признает, что «воспитанность» требует от него «относиться к ней с честью и уважением» [Mather: 467]. Тем не менее его влечение к девушке имеет мало общего с его религией и его слу-

жением. Более того, он начинает считать эту связь препятствием для своей миссии.

Примечательно, что Л.А. Мишина обнаруживает в чем-то схожий эпизод в «Дневнике» друга К. Мезера С. Сьюолла:

«Чувство Сьюолла к мадам Уинтроп описано столь скрупулезно и последовательно, что при желании можно выделить стадии его развития и усмотреть приемы психологического анализа, используемые автором» [Мишина 2015: 150].

Подобный анализ можно провести и относительно романтического эпизода в «Дневнике» К. Мезера за 1703 г. К. Мезер не вдается в подробности, что было не так с репутацией девушки и почему его семья была настолько против его женитьбы на ней. Но он явно боялся потерять поддержку окружения из-за этих отношений. К данному эпизоду можно применить суждение Н.В. Забауровой о «Принцессе Клевской» мадам де Лафайет: «Психологический конфликт романа перестает быть имманентным, а оказывается обусловленным конкретными условиями социального бытия героев» [Забаурова: 350]. Наконец, Мезер решает порвать с девушкой и выражает это в ярких и жестоких образах жертвоприношения: «Я ударил ножом в сердце моей жертвы письмом к ее матери» [Mather: 475]. В другом месте он отмечает, что эту жертву он приносит ради сохранения репутации девушки [Mather: 474].

Несмотря на его решение не жениться на девушке, которую так не любит его семья, Мезер все еще сильно сомневается в своей вере. В его дневниковых записях от 1703 г. подробно описан его духовный кризис. Нестоятельность его «особой веры» может означать, что Бог не слышит его:

«[Сатана] наполняет меня страхами, что я человек, отвергнутый и ненавистный Богу, и преданный худшим из заблуждений, и что Господь больше не будет использовать меня, чтобы прославлять Его. Я едва могу жить с этими горестными разочарованиями» [Mather: 468–469].

Другим объяснением может быть то, что Бога вообще не существует: «Иногда искушения нечистотой, а иногда богохульством, и атеизмом, и отказом от всякой религии, как от простого заблуждения, а иногда саморазрушением» [Mather: 475]. Он даже обращается к себе в третьем лице: «О несчастный Мезер» [Mather: 475]. Мезер признает, что его «дух чрезмерно сломлен» [Mather: 471]. Помимо духовного кризиса, его человеческие чувства задеты, так как друзья подбирают ему партии, а его отец настаивает на том, чтобы он не оставался вдовцом и снова женился.

У романтического эпизода из «Дневника» Мезера был счастливый конец. Он нашел хорошую женщину, вдову с маленьким сыном, сделал ей предложение и женился на ней. Кризис был преодолен, горе от потери пер-

вой супруги, вызвавшее «нечистые» желания и сомнения в вере, осталось в прошлом. Л. Гинзбург отмечала, что «с какой-то одной точки зрения поступок персонажа парадоксален, но уже соседняя грань предлагает логическое решение. Психологический роман – сочетание неожиданности (парадоксальности) с закономерностью» [Гинзбург: 286]. Именно таким становится финал любовной истории Коттона Мезера 1703 г. К этому эпизоду полностью применим вывод Л.А. Мишиной относительно «Дневника» С. Сьюолла, что «в художественно-документальной структуре это описание, оставаясь документальным, формирует и художественное начало, фактически являясь наброском психологического романа» [Там же: 150].

«Дневник» Коттона Мезера – это не дневник в чистом виде, поскольку он был отредактирован и переписан, и значительная часть его читается как мемуары. Обращение к гибриднему жанру дало возможность автору выразить в художественно-документальном тексте, временами тяготеющем к фикциональности, свои переживания, рассказать о болезненном опыте и духовном кризисе. «Дневник» Мезера следует изучать вместе с «Дневником» С. Сьюолла и других раннеамериканских авторов как источник для формирования жанра психологического романа в американской литературе. В заключение можно лишь выразить сожаление, что Коттон Мезер в силу своей приверженности

пуританской религии сам не обратился к романному жанру, ведь его умение описывать собственное внутреннее состояние, чувства и эмоции, избегая излишнего рационализма и вместе с тем любования чувствительностью, способность выразить драматический конфликт могли бы превратить его в создателя американского психологического романа.

Литература

Абдурахманова-Павлова, Д.В. «Дневник» (1774) Джона Вулмена и его рецепция: дис. ... канд. филол. н. СПб., 2023.

Апенко, Е.М. Литература средних колоний // История литературы США. Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость. XVII–XVIII вв. / под ред. М.М. Кореневой и др. Том 1. М.: Издательство «Наследие», 1997. С. 280–304.

Гинзбург, Л. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977.

История всемирной литературы. В 9 тт. Т. 4. / под ред. Ю.В. Виппера. М.: Наука, 1987.

Забабурова, Н.В. Избранные труды. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2017.

Коренева, М.М. Сочинения ново-английских пуритан. Миссия и историческая реальность // История литературы США. Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость. XVII–XVIII вв. / под ред. М.М. Кореневой и др. Том 1. М.: Издательство «Наследие», 1997. С. 148–216.

Мишина, Л.А. Дневник как жанр и как форма в американской литературе XVII века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 148–152.

Мишина, Л.А. Художественно-документальные жанры в американской литературе XVII–XVIII в. (к проблеме американско-европейских типологических связей): автореф. дис. ... д-ра филол. н. М., 1994.

Хрулёва, И.Ю., Павлов, В.В. «Послания, дарованные нам с небес, адресованы не только христианам»: роль евреев в экуменическом проекте тысячелетнего царства пуританского теолога Коттона Мэзера (первая четверть XVIII в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. № 5. С. 3–22.

Церковский, А.Л. Идеино-художественное своеобразие документальной прозы Коттона Мэзера. Rhema. Рема. 2015. № 4. С. 5–16.

Levin, D. (1978). Cotton Mather. The young life of the lord's remembrancer 1663–1703. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press.

Mather, C. (1911). Diary of Cotton Mather. Boston: Massachusetts Historical Society.

References

Abdurakhmanova-Pavlova, D.V. (2023). "Dnevnik" (1774) Dzhona Vulmena i ego retseptsiya. [John Woolman's "Journal" and its reception] (Doctoral Dissertation, St. Petersburg State University, St. Petersburg).

Apenko, E.M. (1997). Literatura srednikh koloniy [Literature of Middle colonies]. In M.M. Koreneva (Ed.), *Istoriya literatury SShA. Literatura kolonial'nogo perioda i epokhi Voyny za nezavisimost'. XVII–XVIII vv.* [The history of the USA literature. The literature of the colonial period and the War of Independence époque] (Vol. 1). Moscow: Naslediye, 280–304.

Ginzburg, L. (1977). *O psikhologicheskoy proze* [On psychological prose]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

Khrulëva, I.Yu., & Pavlov, V.V. (2022). “Poslaniya, darovannyye nam s nebes, adresovany ne tol'ko khristianam”: rol' evreyev v ekumenicheskom projekte tysyacheletnego tsarstva puritanskogo teologa Kottona Mezera (pervaya chetvert' XVIII v.) [“Messages given to us from Heaven are not only for Christians”: The role of Jews in the ecumenical Millennium kingdom project of Puritan theologian Cotton Mather (first quarter of the 18th century)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 8. Istoriya* [Herald of Moscow University. Series 8. History], 5, 3–22.

Koreneva, M.M. (1997). Sochineniya novo-angliyskikh puritan. Missiya i istoricheskaya real'nost' [Works of New England's puritans. Mission and historical reality]. In M.M. Koreneva (Ed.), *Istoriya literatury SShA. Literatura kolonial'nogo perioda i epokhi Voyny za nezavisimost'. XVII–XVIII vv.* [The history of the USA literature. The literature of the colonial period and the War of Independence époque] (Vol. 1). Moscow: Naslediye, 148–216.

Levin, D. (1978). *Cotton Mather. The young life of the lord's remembrancer 1663–1703*. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press.

Mather, C. (1911). *Diary of Cotton Mather*. Boston: Massachusetts Historical Society.

Mishina, L.A. (1994). *Khudozhestvenno-dokumental'nyye zhanry v amerikanskoy literature XVII–XVIII v. (k probleme amerikano-evropeyskikh tipologicheskikh svyazey)* [Fictional-documentary genres in American literature of the 17th-18th centuries (problem of American-European typological connections)] (Abstract of a Doctoral Dissertation, Moscow Pedagogical University, Moscow).

Mishina, L.A. (2015). Dnevnik kak zhanr i kak forma v amerikanskoy literature XVII veka [Diary as a genre and form in American literature of the 17th century]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Herald of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2, 148–152.

Tserkovskiy, A.L. (2015). Ideyno-khudozhestvennoye svoyeobraziye dokumental'noy prozy Kottona Mezera [Ideofictional peculiarities of the documentary prose of Cotton Mather]. *Rhema*, 4, 5–16.

Vipper, Yu.V. (Ed.). (1987). *Istoriya vsemirnoy literatury* [History of world literature] (Vol. 4). Moscow: Nauka.

Zababurova, N.V. (2017). *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Rostov-on-Don, Taganrog: Southern Federal University.

Для цитирования: Трофимова, В.С. Элементы литературного психологизма в «Дневнике» Коттона Мезера (1702–1703 гг.) // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2025. Т. 10 № 1. С. 53–67. DOI: 10.18522/2415-8852-2025-1-53-67

For citation: Trofimova, V.S. (2025). Elements of literary psychologism in the *Diary* of Cotton Mather (1702–1703). *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 10 (1), 53–67. DOI 10.18522/2415-8852-2025-1-53-67

**ELEMENTS OF LITERARY PSYCHOLOGISM
IN THE “DIARY” OF COTTON MATHER (1702–1703)**

Violetta S. Trofimova, PhD (Philology), independent scholar (St. Petersburg, Russia); e-mail: violet_trofimova@mail.ru

Abstract. The article examines the Diary of the famous American preacher, historian and natural philosopher Cotton Mather (1663–1728) for the years 1702–1703, when the author was going through a personal crisis associated with the death of his first wife and the subsequent romantic relationship with a girl who was unsuitable for him as a priest’s wife. The theoretical framework for the study is provided by the works of N.V. Zababurova and L. Ginzburg on psychologism in literature, as well as the studies of the specialists in American literature L. Mishina, M. Koreneva, D. Abdurakhmanova-Pavlova, E. Apenko, A. Tserkovskiy etc. In analyzing the Diary, the method of close reading is used in combination with the biographical method. To understand the circumstances of C. Mather’s growing up and the literary influences on him, the English-language biography written by D. Levin was useful. N.V. Zababurova paid special attention to the connection between the emergence of psychologism in literature and the spread of Christianity. Her observations about the practice of evening self-reporting is productive when examining the Diary as an example of early American Puritan literature. L. Ginzburg’s ideas about the unpredictability of the character’s behaviour in a psychological novel are also useful when analyzing the romantic episode in Mather’s Diary. A careful reading of the text of the Diary for the year 1702 reveals the author’s ability to express his sufferings associated with his wife’s illness and the loss of faith in God’s mercy. In some episodes, Mather achieves a remarkable dramatism. As for the romantic episode, despite all its lacunae, it can be called a romantic novella in a nutshell and a sketch of a psychological novel. The article reveals the hybrid nature of the Diary genre, which can be considered not so much as a diary but a memoir. The weak influence of this text on American literature of the 18th–19th centuries due to the lack of its complete publication is noted. However, there was a noticeable interest in Cotton Mather himself on the part of such writers as Nathaniel Hawthorne and Elizabeth Gaskell.

Key words: psychological fiction, diary, Cotton Mather, Zababurova, Puritanism, American literature, psychological novel

